

Допрос с пристрастием

Юлиана Кръсто

В комнате для допросов не было окон, да и атмосфера давила. Было страшно. Сотрудники полиции, которые ее опрашивали, иногда повышали на нее голос, что сильно давило на сознание. И без того было тяжело. Голова сильно болела, желудок сводило от неприятных спазмов, хотелось есть и пить. Но она не могла никого попросить об этом. Потому что она не знала законы этой страны, а из-за стресса стала забывать японские слова и не понимала, чего от нее хотят. Она могла изъясняться на английском, но полицейские не знали этот язык. Она знала, что Маргариту отпустили несколько часов назад, и теперь она осталась одна. Это тоже сильно пугало, хотя она сомневалась, что Маргарита поверила в ее невиновность. Она ничего не скрывала от них, дала описание Джана, рассказала даже про того убитого Джаном мастера, но оставалось впечатление, что ей не верили. Один полицейский так вообще криво и нагло ухмылялся и отбрасывал в ее сторону нелцеприятные комментарии, касаясь ее внешности и национальности. Иностранок они не любили.

Она в очередной раз осталась одна. Молодой парень, тот, что был похож на Одагири Хирото, как-то принес ей стакан воды и даже проводил в туалет, за что она была ему благодарна. На этом все хорошее закончилось, и она оперлась локтями о стол и спрятала в ладони лицо. Было страшно, и она не знала, когда это прекратится.

Дверь открылась, и на пороге появился тот полицейский, она для себя его назвала инспектором, и она отняла руки от лица. Он выглядел так, будто хотел ее разорвать, и она вздрогнула и побледнела. Зажала руки ногами и затравленно на него посмотрела.

Путеводная Нить

Для Сугино Кёске это был очень тяжелый день, который пока не собирался заканчиваться. Вопросов, касающихся убийства, оставалась масса, часть экспертных заключений еще не успели подготовить, и ему приходилось складывать общую историю из маленьких кусочков, половина которых казалась утерянной безвозвратно. А еще ему безумно хотелось курить. И если утром он еще держал себя в руках, в очередной раз обещая себе бросить, то к вечеру мужчина возненавидел весь мир окончательно, понимая, что скоро опять сдастся и позволит себе выкурить сигарету, на которой, естественно, не остановится.

В комнату, где допрашивали свидетельницу-подозреваемую, Кёске вошел в отвратительнейшем настроении. После признания этой Юлианы Кръсто о ее отношениях с еще одним убитым, отделу пришлось в срочном порядке подтверждать эту информацию, как и искать подтверждение существования ее бывшего любовника, обвиненного в двух убийствах. И хотя кое-какие подтверждения рассказа иностранки найти удалось, Кёске, собиравшийся, как самый дотошный человек в отделе, провести дополнительный допрос, рассказывать об этом не спешил.

Присев напротив молодой женщины и какое-то время просто поизучав ее уставшее лицо, Сугино пришел к выводу, что не видит в ней достойного соперника. Но в этом были и свои плюсы, поскольку от общения с языкастой рыжеволосой иностранкой он успел изрядно устать, так и не найдя причин задерживать ее в участке.

- Ну что же, Кръсто Юлиана, - начал Кёске, слишком спокойным с учетом ситуации тоном. - Вот, что мы имеем. Есть два трупа мужчин, с которыми ты сблизилась. - Он специально говорил с девушкой неформально, показывая ее положение. - И один бывший любовник, который, якобы во всем виноват... - Кёске выдержал паузу, чтобы Юлиана почувствовала себя еще неуютнее. - И я вот думаю, может, ты просто хочешь подставить бывшего любовника, с которым не срослось или просто ненавидишь мужчин?

Его опыта вполне хватало понять, что подобные предположения не имеют под собой реальной почвы. Но Кёске было интересно, как допрашиваемаяотреагирует на подобную фразу и начнет ли оправдываться, позволяя втянуть себя в разговор на его правилах.

Юлиана Кръсто

Когда Сугино-сан начал говорить, девушка сильно вздрогнула. Сейчас своим спокойным голосом он напоминал Джана, который до избиения никогда не срывался, хотя его глаза говорили о том, что он в бешенстве. А может он никогда не срывался и эти убийства совершил не в бешенстве, а все хорошо и тонко продумав? Девушка вздрогнула и задрожала. На глазах появились слезы. Она была в ловушке, и это было только начало. Джан хочет ее уничтожить, он приготовил все это для нее, чтобы она никогда больше не была счастлива. Он убивает ее, и может ей стоит сознаться? Пусть только они от нее отстанут.

А может нет никакого Джана? Они не верят ей. Никто не поверил, что она невиновна. Может она действительно сама все это придумала и сама совершила эти убийства? Что ей делать?

Ее била сильная дрожь, голова сильно болела, и она уже не была похожа на человека. Она закусила губу, чтобы справиться с расшатавшимися нервами, и почувствовала вкус крови. А по подбородку стекла кровь и поползла дальше по шее к блузке, которая на ней была.

- Я... нет, я не... мне... я не виновата в этом... Прошу, поверьте мне, - всхлипнула она, хотя не поняла и половины слов, сказанных этим человеком. Все это не только утомляло, но и сильно давило на сознание. Может, просто сознаться во всем? Может, так от нее хоть кто-то отстанет? На время. А потом ее посадят на электрический стул, и все, будет конец.

Она посмотрела на этого страшного человека и вздрогнула. Сжалась в спинку стула. Она теперь была похожа на жертву. А жертвам обычно никто не верит.

Путеводная Нить

Становилось невесело. Допрашиваемая больше походила на желе, чем на живого

человека, а ее акцент перемешанный со всхлипами, накладываемые на далеко неидеальное знание языка, делал речь женщины совершенно неразборчивой. Хотя Кёске прекрасно понял, что ничего путного она и не говорила, скорее всего, просто пытаясь оправдаться.

- Я так и не услышал ответа на свой вопрос, - мужчина неодобрительно посмотрел на прокушенную губу. - Или ты надеешься, что истерика тебе поможет? Так вот нет, я много раз видел рыдания людей, оказывающихся, в итоге, отмороженными преступниками и тебе нечем меня удивить. Хочешь чтобы это прекратилось? Тогда объясни, почему твой бывший любовник больше подходит на роль убийцы, чем ты сама?

Курить захотелось еще сильнее, что явно отражалось на его лице, придавая тому не самый дружелюбный вид. Правда Кръсто Юлиана, как он успел заметить, боялась даже мальчика-цветочка Хиро, так что его мрачный внешний вид мало на что влиял. В отличие от ответа на последний вопрос, который Кёске все-таки надеялся услышать, вместо того, чтобы тратить свое время на женские истерики, за которое успел бы сделать еще что-нибудь полезное или хотя бы нормально поесть, чего ему так и не удалось за весь этот длинный день.

Юлиана Кръсто

Слова Сугино-сана не хотели объединяться в предложения, и девушка сильно сжала челюсти, чтобы не застонать. Где-то отголосками сознания она понимала, что нужно успокоиться, вдохнуть-выдохнуть и чётко сформулировать свои ответы. Вот только понять - это одно, а сделать - совершенно другое. Потому что всё это давит - и стены, и запахи, и этот человек, и предыдущие люди. Она чувствовала, что от реальности оставалось не так много, и понимала, что мысли путаются в голове. Было очень страшно, и она поймала себя на мысли, что воспалённый мозг уже сгенерировал ответ, который чуть было не сорвался с её губ. Но она широко распахнула глаза и закрыла рот рукой. А потом снова вздрогнула. Нет, если она признается, то это никогда не закончится. Её будут допрашивать ещё очень долго, потом будет медицинское освидетельствование, её признают ненормальной, и она окажется в психушке. Или на электрическом стуле. И что лучше она не знала.

Она зажмурилась и закрыла лицо руками, а потом сделала вдох-выдох, но они получились всхлипами, и постаралась унять бегено стучащее сердце. Потом отняла руки от лица и положила их на стол. Надо собраться, нельзя, ни в коем случае нельзя изображать жертву. Ей тогда точно никто не поверит.

- Я... простите. Я не думаю, что смогла бы сделать это. Мастер... он... - она закрыла глаза, пытаясь вспомнить, что тогда было, - мне показалось, что он с кем-то боролся. Он... я... он меня всего лишь один раз обнял. Джан... он избил меня, и я сбежала от него. Он пришёл к моим родителям и напугал их, чтобы мне негде было остаться. Он преследовал меня. Я думала, что я смогла от него сбежать. Я... виновата в том, что покинула место преступления, но мне было страшно. Я... боюсь, что он меня может убить... Я не убивала никого...

Голос дрогнул, и девушка сглотнула. В горле пересохло, и она закашлялась.

- Можно мне воды? - Спросила она испуганным голосом, снова вздрагивая и вжимаясь в спинку стула.

Путеводная Нить

Ответ девушки показал Кёске, что та либо очень хорошая актриса, либо обычная истеричка, которую легко сломать, только чуть надавив. Но любое его действие должно было вести к конкретному результату, а просто издеваться над иностранкой Сугино не видел ни малейшего смысла. У него имелась только одна цель - раскрыть дело, ради чего он сегодня добрую половину дня слушал показания девушки из другой комнаты, а сейчас решил сформировать о ней окончательное мнение. Хотя решение пока ее отпустить, оставив под присмотром полиции, начальник отдела уже вынес, пусть Кёске пока и не торопился об этом сообщать.

- "Я не думаю, что смогла бы это сделать" - это очень глупый ответ на вопрос, - мужчина покачал головой. - Получается, что ты не уверена в себе? Так может, ты чувствуешь, что в состоянии аффекта способна на убийство?

Историю про то, как Юлиану избил бывший парень, после чего она сбежала, и о его дальнейших злодеяниях, Кёске проигнорировал, поскольку за сегодня слышал ее уже много раз. Но самое главное он для себя вынес, рассказ девушки был путанным и хоть содержал одну и ту же информацию, не напоминал четкую продуманную заранее историю, что говорило в пользу правдивости ее слов.

На просьбу принести воды Кёске мрачно хмыкнул, но поднялся и передал ее стоящему у входа в комнату полицейскому. Он вот тоже страдал от невозможности закурить, но не жаловался, хотя сравнивать себя с изнеженной иностранкой было глупо, так что Сугино просто вернулся на свое место и, откинувшись на спинку стула, позволил себе немного расслабить мышцы, пока Юлиана не получила вожделенной воды и не смогла перейти на внятную речь.

Юлиана Кръсто

Вернувшееся было спокойствие разлетелось на миллиарды миллионов осколков, уступая место очередной волне паники. Ее формулировка ей самой показалась настолько глупой, что, вероятно, признание в убийствах, пусть она их не совершала, было бы логичным и ожидаемым. Хотя и с такой формулировкой это походило на признание своей вины. Теперь от нее точно никто не отстанет. Она снова вздрогнула и задрожала. Голова болела, желудок крутило, состояние было отвратительное, но с этим ничего нельзя было поделать, чтобы как-то это изменить. Она только что сама себе вырыла могилу, из которой уже не выбраться.

- Я... - сказала девушка, потом увидела, как мужчина поднялся и подошел к полицейскому и что-то ему передал. Она вздрогнула, представив, что на нее сейчас наденут наручники и отведут в камеру. А потом будут снова допросы. И смертная казнь. Неужели действительно этого хотел Джан?

- Я не убивала никого. Я не знаю, как мне доказать это, - простонала она, глядя на мужчину. - Я знаю, что вы мне не верите, но... я не знаю, как мне доказать свою невиновность, - она снова вздрогнула и посмотрела на свои руки, которые сильно дрожали.

Полицейский поставил перед ней пластиковый стаканчик с водой, и она посмотрела на свои руки. Ей снова показалось, что руки были в крови, но это была всего лишь кровь из прокушенной губы. Она обняла руками стакан с водой и поднесла его ко рту. Руки сильно тряслись, и много воды вылилось на стол. Сделав несколько судорожных глотков, она поставила стаканчик обратно. Легче не стало.

- Вы... меня посадят в тюрьму? Я... никогда больше не увижу белый свет? - всхлипнула она и почувствовала, как по щеке ползет слеза. Обжигающая и унижительная слеза.

Путеводная Нить

Свидетельница, судя по ее внешнему виду, находилась на грани нервного срыва, что практически полностью убивало все желание продолжать допрос. Судя по всему, на сколько-нибудь связные ответы рассчитывать не приходилось, и Кёске решил, что с этим представлением стоит заканчивать и приступить к поиску человека, который больше подходил на роль предполагаемого преступника, чем нервная дама, которая может и смогла бы огреть несчастного парня по голове, но совершенно не походила на того, кто стал бы потом наносить множественные раны ножом.

- Конечно, вот прямо так и посадят, - покачал головой Кёске, прикидывая, окончательно ли у иностранки отшибло ум из-за переживаний или она всегда была не слишком сообразительной. - Лет на сто. А после смерти кремируют и посадят в урну до конца срока.

Сугино хотел уже было продолжить свою мысль, что по окончании срока прах начнут выпускать на свободу, но потом пришел к выводу, что глумиться над Кръсто Юлианой бессмысленно, поскольку она, скорее всего, не оценит его стараний, а то и вовсе пропустит большую часть слов мимо ушей.

- Нельзя быть настолько глупой, - устало продолжил мужчина. - Просто так в тюрьму никого не сажают. И для начала бывает суд. А тебе пока официально никто и обвинения не предъявлял. - Понемногу стоило с этим делом закругляться и отпускать проблемную особу, чтобы та какое-то время не маячила перед его глазами. За сегодняшний день Кёске вдоволь успел на нее насмотреться и хотел бы на этом пока и остановиться, переключившись на более полезные дела.

Юлиана Кръсто

По голосу мужчины, ведущего допрос, Юлиана поняла, что он над ней начал издеваться. Может быть, это было сказано простым голосом, без тона издевки и чего-то ещё, но ей показалось, что он только и хочет, чтобы поглумиться над ней. Она невольно вспомнила тот день, когда после её допроса следователь допрашивал маму, и у той случился нервный срыв. Или это было до её допроса? К слову, это было почти двадцать лет назад, и многие детали стёрлись из памяти. Хотя это не относилось к данному делу. Девушка снова вздрогнула и судорожно всхлипнула, а потом снова выпила воду. Легче опять не было, и она хотела было прикрыть глаза, но почему-то боялась потерять контакт с этим человеком. Он всё ещё казался страшным, хотя последующие слова, кое-как вложившиеся в голову,

дали надежду, что её отпустят на свободу. Поэтому она просто молча смотрела на него, совершенно не зная, как реагировать на его слова. Но что-то ей подсказывало, что лучше промолчать, чем говорить что-то. Ещё каких-то слов и предложений в свой адрес она не выдержит. До нервного срыва осталось недолго, но ведь это совсем неправильно.

Путеводная Нить

На его последние слова девушка ничего не ответила, и, в какой-то момент, Кёске усомнился в ее способности понимать человеческую речь. Но раз он собирался заканчивать допрос и с разрешения начальника отдела отпускать девушку, стоило донести до нее хотя бы ряд важных моментов.

- Обвинения, как я уже сказал, тебе пока не предъявляются. В ходе расследования выявились данные, подтверждающие твои слова, но пока оно не закончится, страну ты пока покинуть не сможешь. - Кёске не стал рассказывать, что информация, полученная по первому убийству показала очень малую возможность совершения девушкой убийства, учитывая время смерти и наличие соседа-свидетеля, видящего, как она заходила в мастерскую и вылетела оттуда буквально через минуту. Что же касается второго, то все опрошенные на данный момент сотрудники ресторана, присутствовавшие на вечеринке, говорили о практически неменяемом состоянии новой сотрудницы, в котором та и шевелилась с трудом, что оставляло мало шансов на нанесение такого количества сильных ударов ножом. Ну и конечно, проверив данные о прибывших относительно недавно в Японию иностранцев, его коллеги подтвердили существование бывшего любовника Кръсто Юлианы, пусть и не смогли пока определить его местонахождение.

- Твоя квартира на несколько дней будет недоступна, поэтому тебе нужно будет сообщить нам свой временный адрес и ожидать новых вызовов в участок. А так тебя отпускают. Офицер, - Кёске кивнул в сторону двери, намекая на стоящего за ней сотрудника полиции, - проводит до выхода.

Посчитав, что на этом он может быть свободен, Сугино поднялся со своего места и покинул помещение, уже предвкушая, как вытащит из спрятанной в ящике своего стола пачки сигарету и, наконец, закурит, пусть завтра утром опять будет корить себя за проявленное слабование.
